

ВЛАД РАЙБЕР

СТРАНА ВЕЧНОТО ДЕТСТВО

18+

Влад Райбер

Страна вечного детства

«Автор»

2021

Райбер В.

Страна вечного детства / В. Райбер — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-93053-7

В Стране вечного детства все носят белые простыни. По улицам бродят ненастоящие люди. Старые дома являют жильцам кошмарные сны. В подъездах водятся черти. На общем чердаке обитает жуткая тварь, а в подвалах открывается вход в иной мир. Люди живут рядом с давно умершими соседями. А для кого-то питаться человечинкой — семейная традиция. «Страна вечного детства» — это сборник из шестнадцати рассказов, пропитанных ужасом и глубокой российской тоской.

ISBN 978-5-532-93053-7

© Райбер В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Я вам всё объясню...	5
Кошмарные сны старого дома	6
Ненастоящие люди	11
Угольный чёрт	17
Остановка в Стране вечного детства	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Влад Райбер

Страна вечного детства

Я вам всё объясню...

Привет! Если вы меня знаете, то я хочу вам объяснить, что это за сборник такой, потому что я думаю, у моих давнишних читателей могут возникнуть вопросы.

В рассказах, вошедших в сборник, мало экспериментов. Почти все они написаны от первого лица, как на заре моего творчества. У них есть формат, есть заданный объём и есть структура: почти каждая история состоит из тринадцати эпизодов. Это не волшебное число, а так было удобно рассчитывать время для прочтения – примерно двадцать минут на историю.

Хотя в сборнике есть рассказы вполонину короче, и вы наверняка заметите, что они серьёзно отличаются от остальных своей лёгкостью: в них не будет чего-то особенно страшного, не будет крови, ужасных смертей и каннибализма... В других рассказах этого "добра" полным полно.

Так... И зачем всё это нужно?

Сейчас объясню. Видите ли, не так давно я начал работать с YouTube-каналами страшных историй, а ещё с литературными журналами. Для них я пишу эксклюзивные рассказы, которые идут на озвучку или в печать.

Многие из историй сборника вы можете послушать на YouTube-каналах NOSFERATU и DARK PHILL. Передайте им от меня лайк и комментарий!

Версии рассказов в озвучке и в этом сборнике могут немного отличаться, хотя бы потому что истории в озвучку уходили без редакторских правок, а над текстом для сборника старательно поработала Алёна Кулакова. За что я ей очень благодарен. Ещё в рассказах могут отличаться некоторые эпизоды, а у некоторых персонажей сменился пол... Почему? Истории писались под мужские голоса, а мне хотелось, чтобы в рассказах были не только главные герои, но и героини.

Действие рассказов часто происходит в квартирах, в подъездах, во дворах. Оказывается, именно такие истории нравятся многим любителям российских ужасов.

Больше не отвлекаю. Приятного прочтения! И напишите, пожалуйста, потом отзыв!

Кошмарные сны старого дома

Теперь я верю, что страшные ленинградские события помнят не только люди – помнят их и старые дома... Но расскажу обо всём по порядку.

Мой дед до глубокой старости сохранил ясный ум. Я не помню, чтобы он хотя бы раз среди бела дня говорил что-то бредовое или безумное. Дед принципиально не смотрел телевизор, но всегда очень много читал, я только и видел его с книжкой в руках.

Даже когда у него серьёзно испортилось зрение, он не смог отказаться от этой привычки и заказал себе очки с очень толстыми линзами, в которых у него глаза были смешными, как у лемура.

Дед всегда казался мне спокойным, он редко выдавал эмоции, но оказалось, что в его поведении есть особенность. Об этом я узнал только в студенческие годы. От дома бабушки с дедушкой до моего университета можно было идти пешком за пять минут, поэтому я часто оставался у них ночевать. Они сами на этом настояли и выделили мне комнату.

Однажды ночью я проснулся от дикого вопля. Это кричал мой дед. Перепугавшись, я вскочил и вбежал к нему. Дед вскрикивал, зажимая уши дрожащими руками, глаза его были как стеклянные.

– Что случилось? – я тряс его за плечо. – Тебе плохо? Скажи, что случилось?

Дед обратился ко мне своё бледное лицо и сказал:

– Покойников та-тащат! Слышишь? На-на лестнице! Покойников та-тащат! Покойников та-тащат!

Слово «покойников» он каждый раз проговаривал чётко и всегда «спотыкался» на слове «тащат». Мой дед говорил с заиканием с самого детства...

В ту ночь, когда я сидел на его кровати, а он снова и снова повторял одну и ту же фразу «Покойников та-тащат!», я не знал, что и сказать, подумал, что у старика поехала крыша. Но тут в комнату пришла бабушка и сказала мне, что ничего страшного, случается такое у деда. Прошное его беспокоит, детство было тяжёлое, страшное, кошмары снятся. Бабушка погладила мужа по голове, как ребёнка, сказала: «Не кричи, ложись спать, хорошо всё». Дед сразу успокоился, опустил голову на подушку и уснул.

Следующим днём бабушка рассказала мне, в чём причина ночных пробуждений старика. Он в этом доме родился и прожил всю жизнь. Его детство пришлось на блокаду Ленинграда. В первую и самую страшную зиму отец умер от голода. Тогда моему деду было только одиннадцать лет. Он остался жить вдвоём с матерью. Они мёрзли, голодали, выживали как могли. Спасло их то, что мать всю блокаду работала на заводе и ей выдавали больше хлеба.

Как-то раз, ближе к новому году, одиннадцатилетний ребёнок услышал шум на лестнице. Тук-тук-тук по ступенькам, и снова тихо. А потом опять – тук-тук-тук.

Любопытный мальчик выглянул за дверь и увидел, как угрюмые люди в тулупах волокут трупы вниз с верхних этажей. Тощие, замёрзшие тела тянули за ноги, и они ударялись головами о ступеньки с твёрдым ледяным стуком. Тук-тук-тук...

Тут явилась мать, прогнала сына в комнату и отругала за то, что он открыл дверь. Она ему это строго запрещала. Мой будущий дед спросил, что происходит. Мать ответила:

– Покойных соседей уносят. Помёрзли они, от голода умерли.

– А зачем их так – головами по ступенькам? – спросил мальчик.

– Нет у людей сил, сынок, – сказала мама. – Теперь и ведро с водой дотащить трудно, а тут человека целого...

Тот день на всю жизнь врезался деду в память. Бабушка мне объяснила, что иногда по ночам чудится ему, что по ступенькам волокут покойников. Вот он и кричит в полусне. Но, как я позже узнал, то были вовсе не кошмарные сны моего деда.

Моих стариков нет уже больше года. Они заболели и умерли, можно сказать, в один день. Оба попали в больницу, пролежали неделю в тяжёлом состоянии, после чего ночью скончался дед, а утром, не приходя в сознание, умерла и бабушка. У меня нет сестёр или братьев, поэтому, потеряв их, я потерял сразу половину своей семьи. Пережить такое непросто.

Однако не прошло и месяца, как родители «прогнали» меня в их квартиру. Я думал, что они сами станут там жить, говорил, куда мне одному трёхкомнатная? Мы-то с отцом и матерью жили в двушке. Мне дома было привычней и до имущества я не жадный.

Но родители настояли на том, что квартира стариков должна достаться мне. Мол, я человек молодой, женюсь, детей заведу. Семье нужно большое пространство. А я такого в ближайшее время не планировал и не думал об этом даже.

Но переехал. Жаловаться грех, наследство хорошее. Попробуй сейчас сам на жильё заработать. Однако на новом месте мне было так просторно, что я подумывал, а не взять ли мне кого себе в сожители да и брать с них арендную плату. На это я так и не решился – мне трудно сходиться с людьми. Вот я и жил один, устроился в комнате деда. Она была самая светлая, там два больших окна.

Я купил себе новую кровать, и было мне там комфортно, пока однажды ночью меня не разбудили странные звуки за стенкой. Шум был отчётливый и навязчивый.

Тук-тук-тук... Слышал я сквозь сон. Тишина... А потом опять «тук-тук-тук» по ступенькам. И шаги чьи-то шаркающие, тяжёлые вздохи.

Я очнулся, сел, прислушался. Тихо. В той комнате, прямо за стеной была лестничная площадка. Я прижался ухом к обоям – никакого шума.

Неужели показалось? Но ведь я не так крепко спал и ясно слышал эти странные стуки! Будто что-то волокли по ступенькам...

Стояла глубокая ночь, и теперь мне было не заснуть. Я ворочался в постели, невольно прислушивался к каждому шороху, и мне в голову лезли воспоминания о том, как дед иногда просыпался по ночам от странных звуков. Дед и сам думал, что это всё ему снится. На то у него была причина. А почему меня побеспокоил призрачный стук? Неужели унаследовал дедову травму с тех пор, как узнал, что творилось в этом доме?

Не в силах заставить себя спать, я встал и решил выйти покурить. Обычно я всегда для этого выходил на улицу. За курение в парадной можно было нарваться на ругань с соседями. Не дай бог кому тут попадёшься с сигаретой. Однако в такой мороз, в такой ветер, ещё и ночью, я решил этим правилом пренебречь. Все в доме спали, я надеялся, что никому не попадусь.

Взял с собой жестяную банку из-под оливок, спустился на первый этаж и стоял, курил втихаря, как мальчишка, разгоняя дым рукой. И вдруг на лестничной площадке погас свет. Я оказался в полной темноте. Стал шарить по карманам в поисках телефона – да забыл его дома.

Внезапно стало очень зябко. Меня обдало морозом, хотя минуту назад в парадной было тепло. У меня от холода стучали зубы. В темноте свистел ветер с улицы и гремели оконные рамы. Я удивился, почему и на улице такая темень? Неужели и уличные фонари погасли? Стало быть, крупная авария где-то!

Потушив окурочку, я стал наощупь пробираться на свой этаж. Чуть не поскользнулся на первой же ступеньке. Вся лестница была покрыта коркой льда. Под ногами хрустел снег.

«Что за чёрт?» – думал я, неспешно поднимаясь вверх. Мне тогда ещё не было страшно, я лишь представлял, как нелепо бы выглядел при свете – одной рукой я держался за перила, стараясь не упасть, а в другой сжимал баночку с окурком.

Когда ступеньки успели обледенеть? Я не мог найти этому разумного объяснения. Ведь я шёл курить, и всё было нормально.

Я добрался, как мне показалось, до своего этажа, приблизился к двери и даже в темноте разглядел и понял, что дверь эта не моя. У меня металлическая современная, а эта была старая деревянная.

Я чиркнул зажигалкой, стал светить слабым пламенем, огляделся, а на площадке все двери такие. Какой же это этаж? Вижу и стены страшные, закопчённые, и счётчики старинные, сосули на них висят.

Вот теперь мне стало жутковато. Но я успокаивал себя, что просто прошёл свой этаж. Раньше-то выше я никогда не поднимался, не видел, что там всё осталось, как было в советские годы. Погасил зажигалку, пошёл вниз по скользким ступенькам. Всё ещё держал в руке баночку – боялся оставить соседям «улики».

Спустился на этаж ниже, снова посветил зажигалкой вокруг себя. И тут то же самое! Деревянные двери, у одной из-под порога какие-то грязные тряпки торчат, а ещё одна не заперта, и ветер дует из тёмной квартиры.

Теперь мне стало ясно, что я не в своём доме. Планировка похожая, но это было какое-то мрачное гетто, а не наша «образцово-чистая парадная».

Только как я здесь оказался? Ведь даже не выходил на улицу! Я выронил банку с окурком. Чёрт с ним с окурком! Стал спускаться вниз, цепляясь за перила и держа перед собой зажигалку. Колёсико нагрелось и обжигало мне палец, а сам я продрог насквозь. Я в одной футболке, в домашних штанах и в тапочках на босую ногу. Какой был холод! Неумолимый холод! Хотя, возможно, дрожал я ещё и от страха.

Спустился на этаж ниже и слышу, как в одной из квартир нескончаемо кашляет какой-то мужчина. Всё кашляет и кашляет с хрипом... Надрывается и не может остановиться. А из-за другой двери доносится детский плач. Какая-то девочка рыдает, говорит что-то, но слов не разобрать.

У меня от страха тряслись колени, я с трудом спускался по ступенькам, удерживая равновесие. Мне хотелось убраться поскорее из этого места. Уже в самом низу я всё-таки поскользнулся и рухнул на ледяной пол. Хорошо, что не отбил себе ничего. Буквально на четвереньках я пополз к выходу. Поднялся на ноги у дверей... Это был не домофон, а деревянные покосившиеся двери.

В своей лёгкой домашней одежде я был готов выйти во двор, но замер на пороге. В ночных сумерках я узнал свою улицу, но она была другой. Вся заваленная снегом, между сугробами тянулась лишь узкая тропа. В белом снегу там и здесь чернели подозрительные силуэты, похожие на человеческие тела. Будто обессиленные люди шли домой, присели отдохнуть и больше не смогли встать...

– Эй! Скажите, что случилось? – крикнул я.

Никто и не повернулся в мою сторону. Я вглядывался, пытаюсь понять, люди ли это или мне только кажется. У того, что сидел ко мне ближе всех, от ветра трепыхались завязки ушанки, но сам он не двигался. Человек? Или снеговика обрядили в шапку и пальто?..

Крыши домов были покрыты огромными снежными шапками, и ледяные глыбы свисали вниз на несколько этажей, даже заслоняя собой окна. Это были знакомые с детства дома. Но какой мрак, какая темень! Где фонари? Почему ни в одном окне нет света?

Я так и не решился переступить порог и шагнуть в этот замёрзший кошмар. Я закрыл двери, чтобы не видеть всего этого, и снова оказался во мраке.

Не знаю, сколько я так простоял. Может, всего минуту, но казалось, что прошла вечность. Озябший и напуганный, я понятия не имел, что делать. Желая хоть немного согреть руки, я стал чиркать зажигалкой. От холода пальцы двигались медленно и не могли сладить с колёсиком, пламя не загоралось, только ничтожные искры вспыхивали и гасли.

При очередной вспышке света от зажигалки мне на миг показалось, что кто-то под лестницей у подвальной двери. Будто чьё-то лицо смотрело на меня из темноты. Женское лицо.

– Помогите, – само собой вырвалось у меня, я почти кричал. – Что тут происходит? Помогите!

Мне никто не ответил. Я чиркал и чиркал зажигалкой, отчаянно пытаюсь добыть хоть немного света. Я шагнул под лестницу. Неужели показалось и нет там никого? Наконец зажигалка вспыхнула тусклым пламенем, и я увидел ту, что сидела под лестницей.

Это была молодая женщина. Мёртвая женщина. Её тело совсем без одежды застыло у стены. Голова свесилась на бок, чёрные волосы покрывал иней, безжизненные зрачки, почти неотличимые по цвету от белков, уставились на меня. Я в ужасе отшатнулся, пламя погасло, но в последнюю секунду мне удалось рассмотреть её вытянутые вперёд ноги. Там до костей были срезаны все мягкие части...

Я не смог сдержать крика, стал метаться между лестницей и выходом, поскользнулся и упал лицом на пол. Расшиб нос до крови. И вдруг загорелся свет. Я зажмурился и снова открыл глаза. Я лежал на полу, он был холодный, но не покрытый льдом и даже не мокрый.

Я резко сел, огляделся. Под лестницей не было покойницы, а всё вокруг было привычным и знакомым: путанные интернет- и ТВ-кабели на стенах, домофонная дверь. Я снова был дома.

Тряхнув головой, я поднялся с пола и пошёл наверх. Сердце всё ещё бешено колотилось, разбитый нос болел, но было во мне и чувство облегчения.

Я не знал, что думать. Всё это мне лишь привиделось или я ненадолго оказался в прошлом – в периоде страшной блокады, среди темноты и голода?

Поднявшись на пару этажей, я увидел на полу свою жестяную банку из-под оливок. Из неё выкатился окурочек и рассыпался пепел по кафелю. Но я ведь обронил её там – в далёком прошлом... Банка вернулась вместе со мной? Надо же.

Я прибрался на лестнице и убедил себя, что всё это мне только показалось. Свет на время в районе погас, а моё воображение нарисовало страшное. Бывает такое! Этой мыслью я себя успокаивал.

Несколько дней спустя ко мне в гости пришла мать, и я рассказал ей о своих ведениях. Только не стал уточнять, что видел всё наяву. Соврал, что рассказываю сон, чтобы она не подумала, будто я умом тронулся. И про мёртвую женщину под лестницей тоже рассказал. Приснится же такое!

А мама вдруг помрачнела и спросила меня серьёзно:

– Тебе дед про ту мёртвую женщину рассказывал? Откуда ты это знаешь?

Тут я уже и не знал, что соврать... Попросил маму рассказать подробнее. Оказалось, что зимой сорок первого года здесь под лестницей и вправду нашли женщину, с которой кто-то срезал мясо. В городе был страшный голод, ни для кого не секрет, что некоторые ради выживания не брезговали человечиною...

И одним из первых, кто увидел покойницу, был мой будущий дед. Это так напугало мальчишку, что после того случая он стал заикаться и заикался всю оставшуюся жизнь. Раньше мне об этом никто не рассказывал.

Так я и не признался матери, что увидел всё это не во сне, а собственными глазами.

Я и сейчас живу в этом старом доме, но в комнате деда больше не сплю и вообще стараюсь пореже туда заходить.

Что же это было? Почему мой дед слышал те пугающие стуки по ночам? Почему их услышал я? Как увидел произошедшее восемьдесят лет назад?

Можно предполагать, что время в нашем доме «сбоит», как часы на старой микроволновке. Выдерни из розетки – и снова придётся их перенастраивать.

Может быть. Но я думаю не так!

Что, если запоминать события могут не только люди или животные, но и дома? Есть такое выражение: «стены помнят». А вдруг и в буквальном смысле помнят?! Старинные дома, будто корабли, плывут сквозь время, мы живём и умираем, а они плывут дальше. Дома спят ночами и видят дурные сны о своём прошлом. Являют самое страшное, что удалось пережить.

А я, перепугавшись и закричав, пробудил свой дом от кошмара, в котором и сам случайно оказался.

Ненастоящие люди

Представьте, сколько незнакомых людей вы видели на улице за всю свою жизнь. А как думаете, сколько из них не были настоящими людьми? Вот встречаете вы на улице человека, обычного, среднего человека. Ничем он из толпы не выделяется, идёт себе куда-то, и дела вам до него нет. Человек и человек. Но задумайтесь, настоящий ли он? В буквальном смысле, не в переносном. Он не думает и не чувствует, а только изображает. Да он даже не из плоти и крови! Сколько таких среди нас? И что им от нас надо?

Я тоже не верил в существование ненастоящих людей, считал, что их выдумал мой друг в пьяном бреду. Всё началось в тот день, когда мне позвонила мать моего друга и попросила прийти поговорить с сыном, мол, пьёт и пьёт, не может остановиться. Так и умереть недолго!

Мы с Илюхой раньше жили в одном доме, в соседних квартирах, провели вместе детство и юность. Думали, так будет всегда. Но, взрослея, виделись всё реже. Переехали в разные районы города. Я женился, а Илюха начал пить и спивался всё сильнее и сильнее.

Я приехал после звонка его матери. Она не причитала, не жаловалась, в её голосе не было ничего, кроме злобы. Намучилась она с сыном и почти смирилась, но тут уже сил терпеть не было – пошли четвёртые сутки. Илюха уже на ноги подняться не мог, а всё глотал разбавленный спирт.

– Скорую будем вызывать, – сказал я. – Откапать его надо!

Мой старый друг валялся на полу, бормотал что-то, меня не узнавал. Пока скорая помощь ехала, я искал на полках его страховой полис, перебирал бумаги и случайно наткнулся на толстую тетрадь с записями. Это были какие-то заметки и наблюдения о «ненастоящих людях».

Ожидая врачей, я взялся их читать, и у меня волосы дыбом становились. Почерк Илюхин. И не в детстве он всю эту ахинею писал – у последних записей были проставлены даты за прошлый год. Это было что-то вроде дневника, читая который, я понял, что Илюха увлекается слежкой за людьми. И верит он, что те, кого он преследует, вовсе не люди и вообще не живые существа, а только изображают подобие жизни.

Моего друга увезли в больницу, а я, уходя, посоветовал матери закодировать сына.

– Не надо! – ответила женщина. – Моя знакомая сына закодировала, а он наркоманом стал. Не дай бог ещё всё из дома вынесет... Ты к нему приходи иногда. Он тебя любит, часто вспоминает. Говорит, Лёха, друг мой лучший. Будет время – приходи, поговори с ним, может, он образумится.

Я пообещал, что приду на днях, тетрадку забрал с собой, чтобы мать не увидела, если будет прибираться.

И я пришёл сразу, как Илюху выписали из больницы. Был он разбитый, страдал от головной боли, но трезвый.

Илья сделал вид, будто рад меня видеть, но я чувствовал, что не было у него настроения для душевных бесед с другом детства. А я ещё и с нравоучениями пришёл, спасителем себя чувствовал. Стал рассказывать, как его пьяного помогал на носилки класть, как матери за него стыдно. А потом ещё добавил, что скоро допьётся он до полного сумасшествия, и в качестве подтверждения своих слов положил перед Илюхой его тетрадь.

Увидев её, мой друг не на шутку разозлился. Стал орать на меня за то, что рылся в его вещах и читал личные записи. Да кто я вообще такой после этого? Выгнал меня Илюха, сказал, чтобы я больше на пороге у него не показывался.

И он был прав. С чего это я вдруг посчитал, что могу такое делать? Чужое читать без спроса! Может быть, он роман писал!

Я ему позвонил на следующий день, попросил прощения. Илюха извинился тоже, сказал, что о скандале жалеет и что я могу приходить к нему в любое время. Мы друг другу всё

простили и помирились. Приехал к нему вечером после работы. Мы пили чай с домашним пирогом, который испекла его мать, и вспоминали свои подростковые хулиганские проделки.

Про ту тетрадку я не спрашивал, но мой друг решил мне всё объяснить. Он рассказал, что сейчас уже бросил... но раньше увлекался наблюдениями за странными существами, что похожи на людей, но не люди. По его словам, я и сам их видел. Все их видят, просто не знают, что они неживые, искусственные, вроде големов из еврейской мифологии.

Илюха рассказал, что у него на этих существ природное чутьё, сколько бы они ни старались быть незаметными, он всегда видел их среди людей.

Крепко убедился он в этом после встречи с Попутчиком. Когда у Ильи ещё была работа и права, он по дороге домой часто видел голосующего человека. Попутчик, как выразился Илья, оказался самым «сложным» из ненастоящих людей, каких он только встречал, потому что он был способен вести подобие обычного разговора и отвечать на вопросы о себе. Спроси то, что обычно люди спрашивают в дороге: как зовут, сколько лет, кем работает... и он ответит! Ответит сухо и не интересно: имя у него простое, возраста он среднего, работа заурядная, всё как у всех, он и выглядит обычно, посмотришь на его лицо, а потом и не вспомнишь, как выглядел. Человек как человек. Но спроси его о чём-то конкретном – и он начнёт «зависать»...

Попутчик не скажет, какой его любимый фильм, какие книжки читал в детстве, он даже ответа на детскую загадку «зимой и летом одним цветом» не знает.

Илья подвозил Попутчика несколько раз. Он проезжал всего несколько километров: от старого кладбища в районе соседнего села до въезда в наш город. В конце поездки всегда говорил одну и ту же фразу с одинаковой интонацией: «Вот тут меня высади».

Я спросил, с чего Илюха взял, что этот человек ненастоящий? Чудной просто, да и всё. Мало, что ли, таких? И тогда друг рассказал мне безумную историю.

Однажды Илье стало интересно, что делает Попутчик после того, как выходит из машины. Оказалось, что странный мужчина несколько минут стоит под дорожным знаком, а потом идёт пешком обратно на то место, где его подобрали, и снова пытается поймать попутку!

Илья решил подвести его второй раз за вечер и в дороге спросить, что за шутки такие мужик устраивает. И вот он подъезжает, останавливает машину, открывает дверь, а человек идёт как ни в чём не бывало, как будто Илью впервые видит.

Было уже темно. Вокруг никого, рядом кладбище... И этот собирается снова к нему в машину влезть... Мой друг вгляделся в это «мёртвое» лицо, в эти пустые глаза. Так ему стало страшно!

Илья прямо перед носом Попутчика захлопнул дверь – и по газам. Едет, едет, видит город впереди, успокоился немного. Страх отступил. А потом смотрит Илюха, а на соседнем сиденье лежат три отрубленных пальца! И как же их так дверью отрезало?!

Мой друг остановил машину, стал думать, что ему теперь делать. Усомнился он в своих теориях, думал, что человека покалечил. Смотрел он на пальцы и удивлялся, почему нет с них ни капли крови? Поборов отвращение, Илья взял один палец, стал разглядывать и понял, что не человеческий он. На срезе нет кости, нет плоти и жил, а только тёмная влажная масса, как глина.

Он собрал пальцы, бросил их бардачок. Приехал к дому. Решил избавиться от них, выкинуть куда-нибудь в кусты. Открыл бардачок и увидел, что это уже и не пальцы, а три тёмных глиняных слепка.

Илья не стал их выкидывать, принёс домой, а они через пару дней высохли и рассыпались в пыль. С тех пор мой друг видел Попутчика на дороге ещё несколько раз, но больше никогда его не подбирал. Проезжая мимо, он смотрел на его правую руку, но так и не смог разглядеть, всё ли у него было в порядке с пальцами.

Я слушал Илюху и не верил ему, строил скептические догадки.

– Ты помнишь бабу? – спросил мой друг. – Которая у нас перед домом дорожки подметала?

– Какую бабу? – не понял я.

– Мы на Морозова жили, там баба такая молчаливая по утрам мела дорожки, – пояснил Илья. – Помнишь её?

– Ну! – я пожал плечами. Вроде была там какая-то старушка.

– Так вот она тоже из этих... из ненастоящих, – уверял меня друг.

– С чего ты взял? – я всё больше сомневался в адекватности Ильи.

– Так я её недавно видел, – сказал он. – Она до сих пор там ходит с метлой своей. Баба бабкой, но до сих пор не померла. А сколько лет прошло! Тридцать?

– Мы были маленькие, женщина была моложе, а нам она казалась бабушкой, – спорил я. – А сейчас она и вправду состарилась.

– Нет! – настаивал Илюха. – Она всегда была дряхлой старухой, я помню! Эти ненастоящие никогда не меняются! Есть ещё один мужик... У реки рядом с мостом стоит часто. Он тоже ненастоящий.

Не стал я больше с ним спорить, вспомнил, что дома меня ждут жена и дочь. Попытался взять с друга обещание, что он не будет пить, сказал, что зайду ещё на недельке.

Рассказы Ильи я тогда всерьёз не воспринял, но всё-таки его слова заставили меня придаться воспоминаниям. Вспомнил бабу, что подметала во дворе. Ходила она с самодельной метлой. И зачем она это делала? Ведь на то были дворники. Странная одинокая старушка, мы с ней здоровались, а она только кивала головой, не произнося ни слова.

Жили мы тогда в старом доме, в перестроенной казарме, рядом с ткацкой фабрикой. И нашу улицу называли «улицей висельников».

Работа на фабрике была тяжёлая, местные мужчины от такой жизни спивались, и самоубийства не были редкостью. Помню, шёл домой из школы, а от подъезда дорожка из еловых веток тянется. Слышу, соседи разговаривают:

– Кого хоронили?

– Да Шлыков повесился.

И это было в порядке вещей. Один повесился, другой повесился. Серая зима, серый дом, чёрные деревья, и старуха в старом пуховом платке и в телогрейке метёт тротуар. Скука и уныние. Таким мне запомнился наш тупиковый район. Хорошо, что мы оттуда переехали.

В следующий раз, когда я пришёл в гости к другу, он был в стельку пьян. Меня это сильно разочаровало. Я надеялся, что смогу убедить его взять себя в руки, а он опять за старое.

– Ты вообще собираешься завязывать? – спросил я с укором.

– Нет, – ответил Илья, тряхнув лохматой головой.

– Ты не понимаешь, что в конце концов сопьёшься и умрёшь? – я опять его стыдил за пьянство, будто стыдом можно кого-то вылечить.

– Эх, Лёха, – улыбнулся мне Илья. – Да плевать мне. Я всегда такой был, и жить мне никогда не нравилось. Был у меня ты, друзья были школьные. Иногда было весело, но в остальное время сплошной мрак.

– Неужели тебе ничего в этой жизни не интересно? – не сдавался я.

– Девушки мне нравились симпатичные, а я им не нравился, – сказал Илюха с сожалением. А затем, сменив тон на торжественный, добавил: «Ну и хорошо, что не нравился, а то бы ещё кому-нибудь жизнь испортил, кроме матери! У тебя жена, ребёнок, ты муж и отец хороший... У меня бы так не получилось».

– Почему ты думаешь, что не получилось бы? – я пытался внушить ему веру в будущее, но понимал, что словами тут не поможешь. Похоже, депрессия.

– Я тебе сейчас одну вещь расскажу, – Илья заговорил шёпотом, наверное, боялся, что мать в соседней комнате услышит. – Однажды я допился до белой горячки. Знаешь, что такое

белая горячка? Это когда ты пьёшь несколько суток и толком не спишь, и тогда начинаешь видеть сны наяву. Так вот, лежу я на полу, голову поднимаю, а передо мной стоит маленький мальчик и говорит мне: «Папа, спасибо!». Представляешь себе? Это пьяный мозг нарисовал образ моего неродившегося сына, и он благодарил меня за то, что не появился на свет у такого вот отца... Я лежу, смотрю на недопитую бутылку в дальней части комнаты и думаю, что, если я сейчас до неё доползу и ещё хоть чуть-чуть выпью, тогда точно умру. И я пополз! Очень хотел доползти, но не смог, сил не хватило. Понимаю ли я, что умру от пьянства? Лёха, да я на это надеюсь! Оставь ты меня в покое. Я другим уже не стану.

– Мальчики тебе в горячке кажутся, люди ненастоящие мерещатся, – сказал я. – Лечиться тебе надо, Илюха. Серьёзно лечиться.

– Я реальность от бреда отличаю, – обиделся пьяница. – Ненастоящие люди существуют! Жаль, я доказать ничего не могу, а то бы такое открытие сделал!

– И откуда они взялись, по-твоему? – спросил я издевательским тоном, хотя на самом деле мне действительно было интересно. Сумел он меня увлечь своими рассказами.

– Кто знает? – загадочно произнёс Илья. – Может, это первые люди Земли, которых Бог из глины вылепил? Сначала – их как прообраз, а потом нас. Так они и остались тут. Бессмертные, хотя и не совсем живые. Да не знаю я, откуда они! Но они есть! Есть!

Я махнул на него рукой и оставил одного в комнате. В тот вечер я ещё немного побеседовал с его матерью, сказал, что Илью снова надо в больницу.

– Да ну его, надоед, – сказала женщина. – Пусть пьёт.

Больше я не приходил, а неделю спустя узнал, что Илюха умер. Мне его мама позвонила и сказала про похороны. Хоть это было ожидаемо, я почувствовал горечь. А ещё меня терзала вина, потому что я знал, в каком тяжёлом положении находился мой друг, но всё равно оставил его без поддержки. Я отпрашивался с работы. Не люблю бывать в церквях, но пришёл на отпевание. Мне дали в руки свечку, и она сразу погасла.

– Это ничего не значит! – сказала мне какая-то женщина.

Я никогда не был суеверным. Подумаешь, свеча погасла... Подошёл к одной из икон, чтобы зажечь свечу снова, и остановился возле мужичка с бородкой. Тот смотрел на образ, что-то нашёптывал.

Я машинально прислушался и понял, что он не молитву читает и не слова произносит, а просто лепечет что-то бессвязное, как годовалый ребёнок.

– Вы Илюшку знали? – спросил я.

Мужичок с бородкой только посмотрел на меня пустыми глазами, не прекращая нашёптывать несуществующие слова. Тут у меня промелькнула мысль: а вдруг он ненастоящий?!

После похорон Илюхи я взял привычку смотреть на людей на улицах. Искал глазами самых тихих, одиноких, незаметных. Вот пожилая женщина сидит одна на скамейке, смотрит в пустоту, а вон сквозь пыльное окно заброшенного здания на меня глядит бледное лицо. Кто все эти люди, что бродят по улицам, словно тени? Настоящие ли они?

Так я увлёкся этими мыслями, что стал ездить в тупиковый район своего детства. Мне хотелось узнать, правда ли, что старуха там до сих пор метёт тротуары.

Я её встретил не сразу. Оказалось, что она появляется на улице как по часам – в семь утра, когда все идут на работу, и в пять вечера, когда люди возвращаются домой.

Увидев её впервые, я подошёл и поздоровался. Сказал, что раньше жил в этом доме и помню её с детства. Старушка от меня отворачивалась, торопливо отступала и бормотала что-то себе под нос.

Мне стало любопытно, где она живёт? Куда уходит, когда заканчивает свою добровольную работу?

Я ловил себя на мысли, что занимаюсь слежкой, и чувствовал смущение, но не мог остановиться. Наблюдая за старухой из машины, я увидел, что, когда людей на улице не остаётся, она идёт к подвалу, щёлкает замком... неужели у неё был ключ?.. и исчезает за дверью.

Мне хотелось проследовать за ней, но дверь оказалась закрытой. Я взял из машины фонарик, стал нагибаться к подвальным окнам, светил туда, смотрел, куда подевалась старуха?

И наконец я её увидел... Женщина сидела в углу на корточках, опустив голову, а её метла лежала поперёк на коленях, старуха придерживала её руками.

Мне было трудно заставить себя оторваться от окошка, это зрелище настолько меня поразило. Старуха замерла в неестественной для человека позе и сидела не шевелясь, будто статуя.

Теперь почти каждое утро и вечер я приезжал к старому дому, наблюдал, как бабка метёт снег, а потом запирается и сидит в подвале всю ночь, чтобы утром снова промести тротуар на виду у сонных прохожих. Зачем?

И чем дольше я за ней наблюдал, тем хуже я себя чувствовал, тем мрачнее становились мои мысли. Жизнь постепенно начинала мне казаться безрадостной. Я вспоминал, как смотрел на Илюху сверху вниз и собой при этом любовался. Дескать, я не алкаш, у меня семья, работа, нормальная жизнь. Слава богу, я лучше! А ведь всё не так. Теперь мне думалось, что женат я на женщине, которая меня не любит и не любила никогда, а моя дочь-отличница считает меня недотёпой. Да я и есть недотёпа! Веду себя странно, наблюдаю за какой-то старухой, лишь бы не сидеть дома, где я чужой...

У меня было ощущение, что кто-то из меня вытягивает силы, вытягивает жизнелюбие. Я догадывался, что всё из-за этой бабки! Но как было трудно перестать являться в тупиковый район!

Одним вечером, возвращаясь с работы, я не стал туда заезжать. Поехал сразу домой и зарёкся, что больше на ту улицу не сунусь!

И потихоньку дурные мысли перестали меня посещать. Я опять увлёкся работой, снова научился радоваться мелочам. Мне больше не хотелось думать о ненастоящих людях.

Но однажды я нарушил слово, данное самому себе. В тупиковом районе расселили последний дом, и теперь там никто не жил. Все ветхие жилища собирались сносить в скором времени.

Территорию уже обнесли ограждением. А мне не давала покоя мысль: что та старуха? И сейчас метёт тротуар?

Я приехал к пяти часам вчера. Пройти на закрытую территорию оказалось несложно. Несколько листов в жестяном заборе были вырваны, да там никто ничего и не охранял.

Как я и думал, старухи не было. Ей ведь было нужно, чтобы люди ходили рядом, а теперь район пустой...

Но, заглянув в подвальные окна, я увидел знакомую фигуру – сидит старуха на корточках, метлу на коленях держит.

Страшно было, но любопытство оказалось сильнее. Я открыл подвальную дверь, дёрнув ручку несколько раз. Замок оказался хлипкий. Спустился вниз. Бабка сидела, не шевелилась. Я подошёл ближе и увидел, что это не старуха, а одетая в старые тряпки фигура, не то из глины, не то из грязи!

Я её только тронул, а она грохнулась на пол и развалилась на куски. Весь подвал наполнило облако пыли.

Не бессмертные всё-таки эти ненастоящие люди. Ходят они среди нас, питаются нами. Наши хорошие эмоции съедают, вытягивают из нас все приятные мысли, оставляя только уныние и скорбь. А без нас эти существа чахнут и быстро погибают. Вот почему они держатся рядом с толпой, но стараются оставаться незаметными.

Наверное, отчасти из-за этих ненастоящих людей мой друг впал в депрессию и умер от пьянства, да и я сам чуть не потерял интерес к жизни.

Теперь я стараюсь держаться подальше от людных улиц. Там всегда есть кто-нибудь серый, как тень. Ходит среди людей, ничем из толпы не выделяется...

Угольный чёрт

В нашем подъезде рядом с почтовыми ящиками кто-то нарисовал чёрта. С зубастой пастью, с рогами, с копытами, с кисточкой на хвосте. Размашистый примитивный рисунок в половину человеческого роста.

Похоже, начертали его углём. И кто сейчас в подъездах углём рисует?

Провисел чёрт на стене целый день. Вечером кто-то из соседей вышел с тряпкой и стёр картинку, только еле заметные следы сажи остались. Никто бы не придал этому значения, но с того дня в нашем подъезде начала твориться чертовщина.

Некоторые жильцы обнаружили в своих ящиках письма. Это и сам по себе редкий случай! Сейчас приходят одни квитанции за коммуналку, реклама и почтовые извещения о посылках из Китая, а тут рукописное письмо. Так ещё оказалось, что письма эти потерянные с тех времён, когда люди общались почтовой перепиской.

Со многими такое случалось, им письмо отправили, а оно не дошло, потерялось на почте. А теперь в один день дошли все конверты. Из девяностых, из восьмидесятых и совсем старые, пожелтевшие от времени. Что ещё интересно: некоторые люди поселились в нашем доме не так давно, на конвертах были проставлены их старые адреса, но письма дошли по именам и фамилиям. Кому пришло старое письмо от друга из пионерлагеря, от сына из армии, от родственника, которого давно нет в живых.

Как приятно пропавшее письмо получить! До чего интересно узнать, что они писались столько лет назад! Но всех получателей ждало разочарование. Письма оказались порченые. Хотя все конверты неплохо сохранились, на вложенных листах расплылись все чернила и нельзя было прочитать ни слова, а если в конверте была фотография, то на ней не узнать лиц – всё в мутных разводах.

Соседи расстроились. Розыгрыш это какой-то, что ли? Злая шутка чья-то?

Потом на первом этаже начали сами собой открываться и закрываться дверцы почтовых ящиков. Спускается кто-нибудь по лестнице, и дверца, как нарочно, хлопает. Человек на месте от испуга подпрыгивает, потом смотрит – а у ящиков никого нет. И ведь все они были закрыты, на всех замки. Два раза корреспонденцию находили разбросанной по полу. Один из жильцов говорил, что видел, как эти бумаги кружились вихрем, а потом у него на глазах попадали на пол. Что за сквозняки такие?

Вскоре странности с почтовыми ящиками прекратились, а в подъезде снова появился рисунок чёрта, только теперь на стене между квартирами на втором этаже. Точь-в-точь такой же рисунок, будто его под копирку рисовали.

Его утром заметили и сразу стёрли. А вечером наша соседка тётя Валя поднималась в свою квартиру пешком. Свет на втором этаже не горел. И вдруг тётя Валя крепко зацепилась за что-то юбкой. Стала смотреть – и вроде в перилах ткань не запуталась, но держало её что-то в темноте. Женщина дёрнула и освободила юбку, стала дальше подниматься, и опять её хватает что-то сзади!

«Ну-ка стой! Куда пошла?» – прогремел грубый мужской бас за спиной.

Тётя Валя взвизгнула, кое-как вырвалась и понеслась вверх по лестнице. А внизу хохотали сразу несколько голосов. Смех этот был злой и безудержный.

Жильцы подумали, что в подъезд повадились ходить хулиганы. Чертей рисуют, почту раскидывают, людей пугают. Приходил участковый, разговаривал с тётей Валей, спрашивал, сколько их было, как они выглядели. Тётя Валя сказала, что никого не видела, а только слышала голоса.

Прошли ещё сутки. Угольный чёрт переместился на стену третьего этажа. В нашем подъезде повисла атмосфера средневековых суеверий. Одна из наших соседок оказалась очень

набожной. Она повязала платок, длинную юбку, обрызгала все углы святой водой. Этой же водой омыла стену, где был нарисован чёрт. Маленькую икону под щиток засунула.

Один жилец воспротивился обрядам, спрашивал, зачем всё это?

«Вреда точно не будет!» – ответили ему.

Но и толку от святой воды тоже не было. Ужасы продолжались. Старушка с третьего этажа вызвала лифт и чуть не шагнула в пустую шахту. Хорошо, что заметила! Двери открылись, а кабины нет. Старушка схватилась за сердце. Хотела скорее бежать предупредить всех, звонить в управляющую компанию, пока кто-нибудь не свалился. И вдруг услышала она жалобные стоны, крики боли и ужаса. Они доносились из шахты.

«Кто там?» – крикнула напуганная старушка. И ей в ответ кричали: «Спасите! Спасите! Вы слышите? Спасите нас!».

Голосов становилось всё больше и больше, каждый из них звал на помощь, десятки... сотни криков смешались и превратились в неразборчивый гомон.

Старушка заглянула в шахту и не увидела дна... Там, глубоко-глубоко, ниже первого этажа и ниже подвала трепыхалось ярко-красное пекло. Женщину обдало таким жаром, что у неё опалились брови и ресницы.

Это всё с её слов. Никто больше такого в шахте не видел. Когда лифт вызывали другие жильцы, с ним было всё в порядке. А ту старушку с предынфарктным состоянием увезла скорая.

Соседи стали очень внимательны к тому, кто входит в подъезд, любого незнакомца останавливали, расспрашивали, к кому пришёл. Однако рисунок чёрта появился на четвёртом этаже. А ещё на ступеньках сажей нарисовали дуги, будто кто-то наследил копытами.

Набожная тётка пустилась во все тяжкие. Подъезд наполнился запахами воска, масла и дымного ладана. То можно было стерпеть, но на каждый этот аромат пришла ответная вонь. Неизвестно откуда несло мокрой псиной, тухлыми яйцами и дохлятиной.

Я долго старалась держаться подальше от всей этой суматохи. Странности в подъезде замечала, но такая уж я – когда что-то происходит, стараюсь не вникать в подробности, ни во что не вмешиваться и просто жду, что ситуация разрешится сама собой.

Но Григорий Саныч, что жил надо мной, втянул меня во всё это, и мне захотелось узнать, что на самом деле происходит.

Субботним утром, запирая квартиру, я услышала голос соседа сверху.

– Валя, это ты? Подойди ко мне, пожалуйста!

Я поднялась выше и увидела красное лицо Григория Саныча, он говорил со мной, приоткрыв дверь, насколько позволяла накидная цепочка.

– Валя, дойди до магазина, купи мне продуктов, – попросил он, уже протягивая мне деньги и мятый пакет. – Молока купи, хлеба, колбасы там, сосисок каких-нибудь... Масло сливочное хорошее возьми.

– А может, вам ещё и борщ сварить со сметаной? – возмутилась я, такая наглость меня оскорбила.

– Ну сходи, тебе сложно, что ли? – взмолился дядька. – Магазин через дорогу. Я тебе денег дам на мороженое.

– Какое мороженое? – спросила я. – Григорий Саныч, мне двадцать шесть лет. Сами идите!

– Да не могу я! – шипел сосед. – Не буду я из квартиры выходить. И попросить мне некого, сходи, ну пожалуйста!

– А что случилось? – я вдруг заметила, что правая рука Григория Саныча перевязана тряпкой.

– Не твоё дело, – огрызнулся Саныч. – Не выйду я и всё.

– Расскажите, что у вас с рукой, тогда куплю вам продукты, – мне стало интересно услышать ещё одну историю про наш страшный подъезд.

– Шантажистка! – сказал сосед. – Ладно. Ты купи, а потом я расскажу. Иди давай уже! Я сходила, взяла продуктов, на которые хватило денег. И мороженое себе купила тоже. Принесла пакет Григорию Санычу и спрашиваю:

– Что с рукой-то у вас?

– Ничего, – сказал он. – Обжёгся просто.

– Вы обещали рассказать! – напомнила я. – Больше тогда меня ни о чём не просите.

– Ладно, только не через дверь, давай в квартиру заходи! – сосед впустил меня к себе и торопливо закрыл дверь на замок.

Саныч был низенький, плешивый и пузатый, вечно страдал одышкой. Я помню его с детства, но никогда его толком не знала. Был он мне просто соседом.

Я проследовала за ним на кухню и всё смотрела на его перевязанную руку.

– На вас в подъезде напали? – спросила я.

– По секрету тебе расскажу, поняла? – предупредил Саныч.

– Даю вам честное слово, – пообещала я.

– Чёрта в подъезде видела? – шёпотом спросил мужчина.

– Нарисованного? – уточнила я.

– Нарисо-о-о-о-ованного, – протянул сосед. – Это за мной чёрт пришёл.

– Не сходите с ума, – сказала я.

– Ты знаешь про Угольного чёрта? – продолжал Саныч. – Ну вот Пиковую даму вызывают дети. А мы вызывали Угольного чёрта. Надо палку поджечь и сбить пламя, чтобы на конце остался красный уголь, а потом его надо своей рукой потушить. Прямо в кулаке сжимать, чтобы даже дыма не осталось. Потом этой палкой на стене в подъезде надо нарисовать чёрта...

– Мазохизм какой-то, – скривилась я. – Кто будет такое делать? Ожоги страшные получишь. Зачем?!

– Мы с пацанами такое делали и ожоги получали, – признался Саныч. – Верили, что Угольный чёрт может любое желание исполнить. Главное, сделать всё по правилам, а потом попросить, глядя на рисунок.

Я снова посмотрела на перевязанную руку соседа и спросила:

– Так это вы в подъезде чертей рисуете?

– Нарисовал один раз, тридцать лет назад, и не в этом доме, а далеко-далеко отсюда, – сказал Григорий Саныч. – А теперь он за мной пришёл.

И рассказал мне сосед, как в юности он и его друзья узнали про этот ритуал и стали по очереди пробовать. Рисовать надо было не в своём подъезде, а в чужом, подальше от места, где ты сам живёшь, потому что, как только желание исполнится, чёрт начнёт тебя искать, будет в каждый дом заглядывать. И хорошо, если ты успеешь состариться и умереть, прежде чем Угольный чёрт тебя отыщет.

– Первым был Данилка, он хотел миллионером стать, – рассказывал Саныч. – Показал нам ожог на руке, сказал, что всё сделал. И скоро умер его какой-то престарелый родственник из номенклатуры. Данилка про этого родственника даже никогда и не слышал, а он оставил ему в наследство деньги на книжке – несколько миллионов. Большие деньги! Автомобиль «Жигули» тогда пять с половиной тысяч стоил. Но было условие, что воспользоваться он ими сможет только по достижении совершеннолетия, а ему тогда было только семнадцать лет. Но Данилка был рад, начал себя вести так, будто уже миллионером стал.

– Повезло парню, – завистливо сказала я.

– Повезло так повезло! – пробормотал сосед. – Спустя полгода Союз развалился и все его миллионы обесценились. Он в день своего совершеннолетия снял с книжки то, что осталось, в ресторане погулял, здорово выпил и в тюрьму... Тьфу! В тюрьму, говорю... В петлю!

– Как в петлю? – спросила я.

– Вот так, взял и повесился дома в туалете, – рассказывал мужчина. – А на правой руке у него был ожог, как будто он только вчера за горящую палку брался.

– Сказки какие-то, – я не могла в это поверить.

– Ещё один мой друг – Петька – тоже вызывал чёрта, но желал он не себе, а отцу, – продолжал Саныч. – У него отец умирал от рака. А как Петька загадал желание, старик на поправку пошёл. Но чем лучше было отцу, тем хуже становилось сыну. Чёрт Петькин дом почти сразу отыскал. У него тоже снова ожог на руке появился, и умер Петька очень быстро, а его отец до сих пор живой и бодрый – летом бегаёт, зимой на лыжах ходит. Лучше меня выглядит, как будто за двоих живёт.

– А зачем вы Угольного чёрта вызывали, зная, что ничем хорошим это не закончится? – задала я резонный вопрос.

– Думал, что всех обману, – ответил мужчина. – Ездил я в гости к родственникам за девять тысяч километров отсюда. Зашёл там в какой-то дом, палку поджёг, рукой потушил и нарисовал чёрта. Думал, никогда он меня не найдёт. А он видишь: спустя тридцать лет нашёл и явился.

– А что вы загадали? – полюбопытствовала я.

– Я хотел на Надьке жениться, – признался сосед. – Она в нашем училище самая красивая была, все по ней с ума сходили, а я был самый неказистый. Но когда из поездки вернулся, Надька мне прямо на шею кинулась, влюблёнными глазами смотрела. Никто не понимал, что такая красавица во мне нашла. И кто знал, что она такой ведьмой окажется... Как только женились, любви как не бывало, пилють меня начала, и детей у нас не получалось. Через два года я сам от неё ушёл. Надька давно за другого замуж вышла и детей от него родила. А я теперь расплачивайся за своё желание.

– Да бросьте вы, Григорий Саныч, суеверия это всё! – успокаивала я.

Сосед развязал тряпку и показал мне ладонь. Там были волдыри, содранная и обугленная кожа. Мерзость!

– Вот они, суеверия! – сказал мужчина. – Сам по себе появился недавно и болит, так что в голове дёргает. Боюсь в подъезд выходить. Поймает он меня! Да и идти некуда. Не знаю, чего делать.

Я снова пыталась успокоить соседа, говорила, что всё будет хорошо. Мне стало его жалко, но было заметно, что от моих слов ему не легче.

Прошёл ещё день. Рисунок чёрта появился на пятом этаже. Соседка снизу пошла отмыывать стену, а над ней взорвалась лампа. Осколки воткнулись в лицо, хорошо ещё, что в глаза не попали. В квартирах подо мной ломались электроприборы, искрились розетки. Один сосед рассказывал, что видел по телевизору в новостях «надругательский сюжет» про то, что покойники сбегают с кладбища, а их ловят, заковывают в наручники и закапывают обратно в могилы, потому что среди живых уже нет для них места.

Изображение было плохого качества и с помехами, но можно было разглядеть, как сухих, бледных и ужасных раздутых людей с руками за спиной сажают в полицейский УАЗик. Голос за кадром будничным тоном рассказывал, что «во время рейда было поймано более десяти покойных граждан».

А другой сосед говорил, что на него из телевизора смотрела страшная рожа, покрытая чёрной шерстью, и глумливо улыбалась.

Жутко такое слушать... Мой шестой этаж был на очереди.

Страшно было утром выходить на работу, я долго стояла перед дверью, потом решила, что прошмыгну быстренько через площадку и побегу вниз. Но я вышла за порог и оказалась в темноте. Чья-то волосатая рука потянула меня за плечо. Я глядела по сторонам и не понимала, где нахожусь. Это был не наш подъезд, а какой-то бесконечный тёмный подвал под низ-

ким земляным потолком. И со всех сторон меня окружали чёрные, волосатые тела, на меня смотрели тысячи глаз, меня хватали руки, похожие на звериные лапы, меня вели в темноте, проталкивали через толпу, у меня шумело в ушах от бесконечных голосов. Потом кто-то сказал мне басом прямо в ухо: «Руку покажи!». Я вся сжалась и зажмурилась. Шерстяная лапа потянула мою правую руку, чья-то морда горячо дыхла мне в ладонь. «Метки нет! Это не он, – прогремел густой бас, а потом сказал ещё: – так это вообще женщина! Ты кого привёл?». «Я их не разбираю», – говорили у меня над ухом. «Гони её отсюда!» – ответил грубый голос.

Меня будто лягнули копытом под зад, я вынырнула из темноты прямо в свой подъезд и полетела с лестницы. Упала удачно, только плечо ушибла. Поднялась, отряхнулась, посмотрела наверх, а там на стене, рядом с моей дверью рисунок чёрта...

Когда я вечером возвращалась домой, угольную мазню уже кто-то стёр. На другой день я поднялась на седьмой этаж – рисунка там не было... я постучалась к Григорию Санычу, хотела его проведать, рассказать, что со мной произошло. Предупредить. Он мне не открыл, кричал на меня через дверь, посылал матом, называл нечистью.

– Григорий Саныч, это Валя, соседка ваша, – уверяла его я. – За продуктами вам ходила недавно.

– Не знаю, Валя ты или не Валя! – визгливо кричал Саныч через дверь. – Ко мне с самого утра стучат и стучат! То участковый, то соседи, то мать покойная открыть просит! Уже и Данилка с Петькой стучались. Не буду я никому открывать! Иди отсюда!

Больше я соседа тревожить не стала, к его двери не подходила. Квартиру Григория Саныча вскрыла полиция пару дней спустя. Мужчину обнаружили мёртвым в ванной. Утонул или утопился... А Угольный чёрт был нарисован прямо у него в прихожей на обоях.

Жалко было Саныча, но так и думала, что живым его больше не увижу. После этого странности в нашем подъезде сразу прекратились. Никто кроме меня так и не узнал, из-за чего началась и почему закончилась вся эта чертовщина.

Я ни с кем не стала делиться подробностями, а уж тем более рассказывать про ритуал вызова Угольного чёрта. У людей разные бывают положения. Вдруг захотят повторить! Мне и самой есть чего желать. Не знаю, как кредиты свои выплачивать. Иногда задумываюсь, а существует ли способ обмануть нечисть и получить желаемое? Но потом напоминаю себе, что лучше быть должником у банка, чем у чёрта.

Остановка в Стране вечного детства

Воскресным вечером в электричке почти всегда было не слишком много пассажиров. Не трудно было отыскать безлюдный вагон и устроиться как хочется, можно было даже выпить, и никто тебе замечания не сделает.

Косте повезло перелезть через забор и остаться незамеченным. Как в старые добрые времена! Теперь он сидел в пустом вагоне у окна, зажав ногами литровую бутылку крепкого пива, и ожидал, когда поезд тронется. Хорошо погостил, теперь была пора возвращаться домой.

За минуту до отправления в тамбуре слышались голоса, и в вагон зашли ряженные девочки-подростки. Обе весело хохотали, глядя друг на друга. Одна была наряжена в белую простыню с двумя дырками для глаз, только смех, множество бижутерных колечек на руках и ноги в колготках, выдавали в ней девочку.

Её подруга в джинсовой куртке была размазана краской так, будто с её головы по лицу стекала кровь, и сама она была бледная как покойница.

Костя знал, какой сегодня день. Он уже видел в городе всяких ряженных детишек. Ох, как они его раздражали!

– Эй! – крикнул мужчина. – В другой вагон идите обе.

Только теперь девочки обратили на него внимание.

– Дядь, а это что, ваш вагон? – спросила та девочка, что была разукрашена кровью.

– Ты давай не огрызайся, – Костя привстал с места. – Я с мертвецами не поеду.

– Привидений боитесь? – с насмешкой спросила девочка в простыне.

Мужчина медленно вышел в проход, напуская себя опасный вид. Ему уже было тридцать восемь лет, и он считал, что малолетки не должны с ним пререкаться.

– Я говорю, валите отсюда, – сказал он злобно. – Чего так вырядились, уродки?

– Праздник сегодня, – ответила бледная, она разговаривала всё так же нахально и сильнее раздражала Костю.

– Мозгов у тебя меньше, чем у курицы, – мужчина сделал шаг вперёд. – Этот праздник не наш, дуры! Он пендосовский! И вообще, это не праздник, а дерьмо. Чего вы празднуете? Смерть? Дьяволу поклоняетесь?

Девочка в простыне непонимающе моргала, её подруга нахмурилась.

– То «хэлавин» у вас, то флаги ваши цветные, – разбушевался Костя. – Вы любую гадость будете у америкосов копировать. У вас принципов нет и совести тоже. Вам лишь бы покуражиться. Может, скоро уже и в негров перекраситесь?

– Не перекрасимся. Что они нам сделали? – сказала девочка в простыне. – Всё это ради веселья! Что вы нам всё настроение портите? Откуда в вас столько ненависти?

– Ты зачем со мной разговариваешь, сопля? – Костя нарочно делал свой голос ниже. – Не уйдёте, тогда я вас на следующей остановке под зад коленом высажу!

Девочки молча переглянулись и двинулись к выходу. Спорить с разгневанной мужчиной им больше не хотелось.

– Пускай там кто-нибудь морды разобьёт за ваш цирк! – пожелал им Костя напоследок. Он был собой доволен. Хорошо задвинул! Поставил малолеток на место.

Костя ехал в одиночестве, глотал горькое пиво, и ему потихоньку давало в голову. Он пытался рассмотреть что-нибудь за окном, но там было так темно, что он видел только своё отражение в стекле. Рожа заплывшая, круги под глазами. Не нравилось Косте, что с ним делало время. Он в зеркало редко смотрелся, до сих пор помнил и ощущал себя юным, поэтому всегда удивлялся, заметив где-нибудь своё отражение.

Мужчина вышел в тамбур, закурил и снова вспомнил, как унижил подростков, стало ему весело. Но когда Костя вернулся в вагон, его радость сменилась возмущением. На его месте сидела та самая девочка в костюме призрака.

– Чего опять припёрлась? – заорал он.

Костя подошёл ближе и увидел, что её простыня в районе лица густо пропитана чем-то красным. И это пятно только увеличивалось.

– Эй, чего с тобой? – Костя немного испугался.

– Морду мне разбили, дядь, – сказав это, девочка залилась смехом. И с каждым её смешком через дырки в простыне струйками вырывалась кровь. Мерзко хлюпала, растекалась, окрашивая белую ткань тёмно-бордовым.

– Что ты ржёшь, дура? – закричал Костя. – Нос заткни! Подруга твоя где? В больницу тебе надо!

Мужчина схватил простыню там, где она ещё была чистая, и сорвал её с девочки. Думал скомкать и сунуть ей в лицо, чтобы не залила всё вокруг. Но он так и застыл с окровавленной тряпкой в руках, когда увидел лицо девочки. Оно было изувечено страшной чёрной раной от правого глаза до нижней челюсти. Девочку словно ударили топором по лицу.

– Поздно мне в больницу, дяденька, – сказала девочка, она смеялась, и куски её разорванных губ болтались туда-сюда, кровь капала с подбородка. Кожа у неё была голубая, глаза светлые, расплывчатые, как две тающие льдинки. Не всякий труп так плохо выглядит, а эта девочка всё ещё сидела, хохотала и разговаривала.

– Мама! – словно ребёнок, вскрикнул Костя и в ужасе кинулся обратно в двери. Он хотел добежать до людей, спрятаться среди них от этой нечисти. Но так и остался в тамбуре, потому что другой вагон оказался полон мертвецов. Через окна в дверях на него смотрели бледные лица. Были здесь и дети, и подростки, взрослые мужчины и женщины. Они будто собрались поглазеть на Костю. Мертвецы широко улыбались, обнажая белые зубы и чёрные дёсны, моргали неживыми глазами. Одни были в ранах и в крови, а другие чистые. И все они были облачены в примитивные «костюмы призраков», стояли, приподняв их над головами, выглядывали из-под своих белых простыней, чтобы мужчина мог видеть их лица.

Костя отшатнулся. Его зажали между вагонами. С противоположной стороны девочка с израненным лицом теперь тоже была не одна. Рядом стояла её подруга, перемазанная кровью, и высокий мужчина в костюме Чебурашки, но без одного уха. Этот костюм полностью закрывал его тело, открытым было только лицо. Мужчина, как и все, был мёртвым, но единственным, кто не улыбался и не смеялся, длинные прямые морщины на его впалых серых щеках оставались неподвижными. Он смотрел на Костю с жалостью.

Костя, как испуганная птица, метался по тамбуру, бился в двери. Снаружи была только непроглядная темнота. Электричка будто неслась через бесконечный туннель. Но вскоре поезд начал сбавлять ход. Костя заранее схватился за двери, готовясь выскочить на первой же станции.

Мертвецы и не пытались ворваться в тамбур, они лишь наблюдали за беднягой через стекло. Казалось, что вагоны трясутся от их смеха.

Электричка остановилась, двери разъехались. Костя выбежал на пустую платформу. Огляделся. Куда он приехал? Ни домов, ни фонарей, ни деревьев, а только эта платформа и тёмная равнина со всех сторон.

И тут за ним из электрички стали выбегать весёлые мертвецы. Призраки в простынях с дырками для глаз кричали, шумели, проносились мимо Кости, прыгали с платформы и убегали во мрак.

Две низенькие фигуры задержались у вагона, чтобы сказать Косте:

– Добро пожаловать в Страну вечного детства! Сюда попадают без билета!

– Дядь, сегодня праздник! Веселись!

Костя узнал двух подружек, теперь обе были одеты, как приведения. И у той девочки, что несколько минут назад истекала кровью, была новая, чистая простынь.

– Да пошли вы! – заикаясь, ответил мужчина. Ему было одновременно и страшно, и стыдно за свою пугливость. Даже перед детьми-мертвецами он не хотел выглядеть трусом. Костя думал, нужно ли ему пойти обратно в электричку, но пока он решал, ехать или остаться, двери захлопнулись и вагоны поползли прочь.

Все простынные привидения и высокий мужчина в костюме одноухого Чебурашки спустились с платформы. Последний нёс керосиновую лампу, и, когда он ушёл, со всех сторон подступила темнота. Только жёлтые квадраты окон уходящей электрички неслись уже где-то далеко, и целая толпа призраков удалялась в глубь равнины, мелькая белыми простынями в слабом свете керосиновой лампы, что не спеша волочилась за ними.

Костя стоял на месте. Ему очень хотелось глотнуть пива, но бутылка осталась в поезде. Переведя дух, мужчина попытался осмыслить всё, что произошло. И вдруг ему пришла здравая мысль: а не сон ли это всё? Костя сильно ушибнул себя за ногу. Боль была настоящей. Это его огорчило, но он не хотел отчаиваться. Всё-таки нечисть от него отстала, и это давало надежду, что всё самое страшное уже позади.

Мужчина спрыгнул с платформы и пошёл по шпалам за ушедшим поездом. Ничего другого он не придумал. Но много пройти Костя не смог — темно хоть глаз выколи, впереди ни огонька, на небе ни звёздочки. Последний вечер октября, холод, а он в куртке-поддержайке. От жуткого пронизывающего ветра болели уши. Сколько так идти? А там дальше ещё и рельсы надвое расходились. Куда поворачивать?

Косте подумалось, что это нечисть его так наказала за грубость и лучше бы пойти извиниться, попросить указать ему путь до дома.

Мужчина развернулся и пошёл к жёлтой точке света посреди голого поля. Под ногами шелестела сухая ботва, похоже, здесь в тёплые месяцы росла кукуруза.

Приблизившись к свету, Костя увидел, что ряженные призраки уселись в круг, было их около трёх десятков, они все вели шумные разговоры и смеялись, только мертвец в костюме Чебурашки был спокоен и молчалив.

В середине стояла керосиновая лампа, которая заменяла мертвецам костёр. Когда Костя подошёл, ряженные призраки задрали простыни и показали гостю свои бескровные лица.

– Чего припёрся? – крикнул кто-то мужчине, и все рассмеялись.

– Давай вали отсюда, – подхватил ещё кто-то. Толпа опять взорвалась смехом.

Когда балаган утих, к Косте обратился мертвец в костюме сказочного героя:

– Ты на них не обижайся. Это дети!

– Какие же они дети? – почти шёпотом спросил Костя. В толпе в самом деле была мелюзга, пара-тройка пацанов, несколько девочек, но в большинстве своём толпу составляли матёрые мужчины и женщины, лет по тридцать, по сорок, даже был здесь старый дед и две дряхлые бабки. Однако все и правда вели себя, как малые ребята.

– Люди – всегда дети, – ответил мертвец, он то и дело дёргал головой, откидывая с лица большое коричневое ухо, которое мотало ветром. – Это вам, живым, надо притворяться взрослыми, а мы умерли, и для нас в этом больше нет смысла.

– Чебурашка, мне бы домой, – жалобно сказал Костя.

– Не называй его так! – строго сказала мужчине какая-то покойница с вытекшим глазом. – Его зовут Одноухий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.